

КАРЛ

МАРКС

*ЭКОНОМИЧЕСКО-ФИЛОСОФСКИЕ
РУКОПИСИ 1844 г.*

*Книги, изменившие мир.
Писатели, объединившие
поколения.*

Э К С К Л Ю З И В Н А Я   К Л А С С И К А

Карл Генрих Маркс
Экономическо-философские
рукописи 1844 г.
Серия «Эксклюзивная классика (АСТ)»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68912661

К. Маркс. Экономическо-философские рукописи 1844 г.: ООО

«Издательство АСТ»; Москва; 2023

ISBN 978-5-17-152737-2

Аннотация

«Экономическо-философские рукописи 1844 г.» – одна из самых ранних и одновременно одна из самых цитируемых работ Карла Маркса, в которой он впервые попытался обобщить и систематизировать результаты своих экономических исследований с философской точки зрения. Есть мнение, будто Маркс не оставил философской системы и главным его наследием является монументальный «Капитал», однако в действительности все основные философские постулаты 25-летний Маркс сформулировал в этой небольшой, но очень емкой по охвату главных проблем и противоречий социального и экономического неравенства работе. Все сказанное Марксом в «Экономическо-философских рукописях 1844 г.» – вдумайтесь! 178 лет назад! – остается актуальным и по сей день, и именно

сегодня, как никогда раньше, выходит на первый план именно философское осмысление движущих сил истории, сущности и исторического характера частной собственности и отчужденного труда.

В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

Содержание

Предисловие	7
Заработная плата	14
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Карл Маркс

Экономическо- философские рукописи 1844 г.

Karl Heinrich Marx

Okonomisch-philosophische Manuskripte aus dem Jahre
1844

© ООО «Издательство АСТ», 2023

* * *

Написано К. Марксом в апреле – августе 1844 г.

*Впервые опубликовано ИМЭЛС на русском языке в 1927 г.
(частично) и на языке оригинала в 1932 г. (полностью)*

Печатается по рукописи¹

---

¹ «Экономическо-философские рукописи 1844 года». Эта работа К. Маркса дошла до нас в виде трёх рукописей, каждая из которых имеет свою собственную пагинацию (римскими цифрами). Из второй рукописи сохранились только последние четыре страницы (стр. XL–XLIII). В первой рукописи каждая из 27 страниц, составляющих её, разделена двумя вертикальными чертами на три столбца, и каждый столбец на каждой странице снабжён написанным заранее заголовком: «Заработная плата», «Прибыль на капитал», «Земельная рента». Начиная с XVII страницы текстом заполнен только столбец, озаглавленный «Земельная рента»,

---

а начиная с XXII страницы и до конца первой рукописи Маркс писал на всех трёх столбцах, не считаясь с заранее проставленными заголовками. Текст этих шести страниц (стр. XXII–XXVII) даётся в настоящем издании под редакционным заголовком «Отчуждённый труд». Третья рукопись содержит 43 большие, разделённые на два столбца и пронумерованные самим Марксом страницы. В конце третьей рукописи (на стр. XXXIX–XL) находится «Предисловие», которое в настоящем издании даётся в начале, перед текстом первой рукописи. Заглавие работы Маркса, а также заключённые в квадратные скобки заголовки отдельных частей рукописи даны Институтом Маркса – Энгельса – Ленина – Сталина. Рукопись печатается в той последовательности частей, которая дана Марксом, за исключением «Предисловия», печатаемого в начале, и главы «Критика гегелевской диалектики и гегелевской философии вообще», перенесённой в конец, согласно указанию Маркса в его «Предисловии». – 3.

Предисловие

В «Deutsch-Französische Jahrbücher» я обещал дать критику науки о праве и государстве в виде критики *гегелевской*² философии права³. При обработке материалов для печати оказалось, что сочетание критики, направленной только против спекулятивного мышления, с критикой различных предметов самих по себе совершенно нецелесообразно, что оно стесняет ход изложения и затрудняет понимание. Кроме того, обилие и разнородность подлежащих рассмотрению предметов позволили бы втиснуть весь этот материал в *одно* сочинение только при условии совершенно афористического изложения, а такое афористическое изложение, в свою очередь, создавало бы *видимость* произвольного систематизирования. Вот почему критику права, морали, политики и т. д. я дам в ряде отдельных, следующих друг за другом самостоятельных брошюр, а в заключение попытаюсь осветить в особой работе внутреннюю связь целого, взаимоотношение отдельных частей и, наконец, подвергну критике спекулятивную обработку всего этого материала. По этим соображениям в предлагаемой работе связь политической эконо-

---

² В книге сохранен курсив автора.

³ См. *К. Маркс*. «К критике гегелевской философии права. Введение» (*К. Маркс и Ф. Энгельс*. Сочинения, 2 изд., т. 1, стр. 414–429). «*Deutsch-Französische Jahrbücher*» – см. примечание 83. – 3.

мии с государством, правом, моралью, гражданской жизнью и т. д. затрагивается лишь постольку, поскольку этих предметов *ex professo*⁴ касается сама политическая экономия.

Читателя, знакомого с политической экономией, мне незачем заверять в том, что к своим выводам я пришёл путём вполне эмпирического анализа, основанного на добро-совестном критическом изучении политической экономии.

«Невежественному же рецензенту, который, чтобы скрыть своё полное невежество и скудоумие, оглушает положительного критика такими выражениями, как «*утопическая фраза*», или ещё такими, как «совершенно чистая, совершенно решительная, совершенно критическая критика», или «не только правовое, но общественное, вполне общественное общество», или «компактная массовая масса», или «ораторствующие ораторы массовой массы»⁵, – этому рецензенту надлежит ещё сперва представить доказательство то-

---

⁴ – специально. *Ред.*

⁵ Имеется в виду Б. Бауэр, опубликовавший в «Allgemeine Literatur-Zeitung» две большие рецензии на книги, статьи и брошюры по еврейскому вопросу. Из этих рецензий, помещённых в выпуске I (декабрь 1843 г.) и выпуске IV (март 1844 г.) «Allgemeine Literatur-Zeitung», и взято большинство цитируемых здесь Марксом выражений. Выражения «утопическая фраза» и «компактная масса» встречаются в статье Б. Бауэра «Что является теперь предметом критики?» в выпуске VIII «Allgemeine Literatur-Zeitung» (июль 1844 г.). «Allgemeine Literatur-Zeitung» («Всеобщая литературная газета») – немецкий ежемесячник, издавался младегегельянцем Б. Бауэром в Шарлоттенбурге с декабря 1843 по октябрь 1844 года. Развёрнутая критика этого ежемесячника дана К. Марксом и Ф. Энгельсом в книге «Святое семейство, или Критика критической критики». См. *К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения*, 2 изд., т. 2, стр. 3–230. – 4.

го, что помимо своих теологических семейных дел он вправе претендовать на участие в обсуждении также и *мирских* дел.>⁶

Само собой разумеется, что кроме французских и английских социалистов я пользовался трудами также и немецких социалистов. Однако содержательные и *оригинальные* немецкие труды в области этой науки сводятся, – не считая сочинений Вейтлинга, – к статьям *Гесса*, помещённым в сборнике «Двадцать один лист»⁷, и к «*Наброскам к критике политической экономии*» *Энгельса*⁸, напечатанным в «*Deutsch-Französische Jahrbücher*», где я, в свою очередь, в самой общей форме наметил первые элементы предлагаемой работы.

<Кроме этих писателей, критически занимавшихся политической экономией, положительная критика вообще, а следовательно, и немецкая положительная критика политической экономии, своим подлинным обоснованием обязана открытиям *Фейербаха*. Тем не менее против его «*Философии будущего*»⁹ и напечатанных в «*Anekdoten*» «Тезисов к рефор-

---

⁶ Абзацы, заключённые в угловые скобки, в рукописи перечёркнуты. *Ред.*

⁷ Имеется в виду сборник «*Einundzwanzig Bogen aus der Schweiz*». Zürich und Winterthur, 1843 («Двадцать один лист из Швейцарии»). Цюрих и Винтертур, 1843). – 4.

⁸ См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Сочинения, 2 изд., т. 1, стр. 544–571. – 4.

⁹ *L. Feuerbach*. «*Grundsätze der Philosophie der Zukunft*». Zürich und Winterthur, 1843 (*Л. Фейербах*. «Основные положения философии будущего»). Цюрих и Винтертур, 1843). – 5.

ме философии»¹⁰ – несмотря на то, что эти работы широко используются, – был, можно сказать, составлен настоящий заговор *молчания*, порождённый мелочной завистью одних и подлинным гневом других.>

Только от *Фейербаха* ведёт своё начало *положительная* гуманистическая и натуралистическая критика. Чем меньше шума он поднимает, тем вернее, глубже, шире и прочнее влияние его сочинений; после «Феноменологии» и «Логики» Гегеля это – единственные сочинения, которые содержат подлинную теоретическую революцию.

Заключительная глава предлагаемого сочинения – критический разбор *гегелевской диалектики* и гегелевской философии вообще – представлялась мне совершенно необходимой в противовес *критическим теологам*¹¹ нашего времени потому, что подобная работа до сих пор ещё не проделана. *Неосновательность* – их неизбежный удел: ведь даже *критический* теолог остаётся *теологом*, т. е. либо он вынужден исходить из определённых предпосылок философии как какого-то непререкаемого авторитета, либо, если в процессе критики и благодаря чужим открытиям в нём зародились сомнения в правильности этих философских предпосылок, он трусливо и неоправданно их покидает, от них *абстрагиру-*

---

¹⁰ Имеется в виду статья Л. Фейербаха «Предварительные тезисы к реформе философии», помещённая во втором томе сборника «Anekdoten». «Anekdoten» – см. примечание 56. – 5.

¹¹ Маркс имеет в виду Б. Бауэра и его сторонников, группировавшихся вокруг «Allgemeine Literatur-Zeitung». – 5.

ется, причём его раболепие перед этими предпосылками и его досада на это раболепие проявляются теперь только в отрицательной, бессознательной и софистической форме.

«В связи с этим он либо беспрестанно повторяет уверения в *чистоте* своей собственной критики, либо, чтобы отвлечь внимание читателя и своё собственное внимание от *необходимости* решительного объяснения *критики* с её материнским лоном – гегелевской *диалектикой* и немецкой философией вообще, – от необходимости преодоления современной критикой её собственной ограниченности и стихийности, он пытается создать, наоборот, такое впечатление, будто критике приходится иметь дело лишь с некоей ограниченной формой критики вне её – с критикой, остающейся, скажем, на уровне XVIII века, – и с ограниченностью *массы*. И, наконец, когда делаются открытия относительно сущности его собственных философских предпосылок – такие, как открытия *Фейербаха*, – то критический теолог создаёт видимость, будто сделал эти открытия не кто другой, как он сам. Он создаёт эту видимость следующим образом: не будучи в состоянии разработать результаты этих открытий, он, с одной стороны, швыряет эти результаты в виде *готовых лозунгов* в лоб ещё находящимся в плену у философии писателям; с другой стороны, он убеждает себя в том, что по своему уровню он даже возвышается над этими открытиями, с таинственным видом, исподтишка, коварно и скептически оперируя против *фейербаховской критики гегелевской диалектики* теми эле-

ментами этой диалектики, которых он ещё не находит в этой критике и которые ему ещё не преподносятся для использования в критически переработанном виде. Сам он не пытается и не в состоянии привести эти элементы в надлежащую связь с критикой, а просто оперирует ими в той форме, которая *свойственна* гегелевской диалектике. Так, например, он выдвигает категорию опосредствующего доказательства против категории положительной истины, начинающей с самой себя. Ведь теологический критик находит вполне естественным, чтобы философы сами *сделали* всё нужное, дабы он мог *болтать* о чистоте и решительности критики, о вполне критической критике, и он мнит себя истинным героем, *преодолевшим философию*, когда он, например, *ощущает*, что тот или иной момент Гегеля отсутствует у Фейербаха, – ибо за пределы ощущения к сознанию теологический критик так и не переходит, несмотря на всё своё спиритуалистическое идолослужение «самосознанию» и «духу».>

Теологическая критика, которая в начале движения была действительно прогрессивным моментом, при ближайшем рассмотрении оказывается в конечном счёте не чем иным, как выродившимся в *теологическую карикатуру* завершением и следствием старой *философской* и в особенности *гегелевской трансцендентности*. В другом месте я подробно покажу эту историческую Немезиду, этот небезынтересный суд истории, которая предназначает теперь теологию, искони являвшуюся гнилым участком философии, к тому, чтобы на

себе самой продемонстрировать отрицательный распад философии, т. е. процесс её гнилостного разложения¹².

<А в какой мере, напротив, *фейербаховские* открытия относительно сущности философии всё ещё – по крайней мере для того чтобы *доказать* их – делали необходимым критическое размежевание с философской диалектикой, читатель увидит из самого моего изложения.>

---

¹² Это своё намерение Маркс вскоре после написания данного «Предисловия» выполнил в написанной им совместно с Энгельсом книге «Святое семейство, или Критика критической критики». См. *К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения*, 2 изд., т. 2, стр. 3–230. – 7.

Заработная плата

Заработная плата определяется враждебной борьбой между капиталистом и рабочим. Побеждает непременно капиталист. Капиталист может дольше жить без рабочего, чем рабочий без капиталиста. Объединение капиталистов обычно и эффективно, объединение рабочих запрещено и влечёт за собой для них плохие последствия. Кроме того, земельный собственник и денежный капиталист могут присовокупить к своим доходам ещё предпринимательскую прибыль, рабочий же к своему промысловому заработку не может присовокупить ни земельной ренты, ни процентов на капитал. Вот почему так сильна конкуренция среди рабочих. Итак, только для рабочего разъединение между капиталом, земельной собственностью и трудом является неизбежным, существенным и пагубным разъединением. Капитал и земельная собственность могут не оставаться в пределах этой абстракции, труд же рабочего не может выйти за эти пределы.

Итак, для рабочего разъединение между капиталом, земельной рентой и трудом смертельно.

Самой низкой и единственно необходимой нормой заработной платы является стоимость существования рабочего во время работы и сверх этого столько, чтобы он мог прокормить семью и чтобы рабочая раса не вымерла. По Сми-

ту, обычная заработная плата есть самый низкий минимум, совместимый с «простой человечностью»¹³, т. е. с животным уровнем существования.

Спрос на людей неизбежно регулирует производство людей, как и любого другого товара. Если предложение значительно превышает спрос, то часть рабочих опускается до нищенского уровня или до голодной смерти. Таким образом, существование рабочего сводится к условиям существования любого другого товара. Рабочий стал товаром, и счастье для него, если ему удаётся найти покупателя. Спрос же, от которого зависит жизнь рабочего, зависит от прихоти богатей и капиталистов. Если предложение количественно превышает спрос, то одна из составных частей цены (прибыль, земельная рента, заработная плата) выплачивается ниже *цены*; в результате этого соответствующий фактор ценообразования уклоняется от такого применения, и таким путём рыночная цена тяготеет к естественной цене как к некоторому центру. Но, во-первых, рабочему, при значительном разделении труда, труднее всего дать другое направление своему труду, а во-вторых, при подчинённом положении рабочего по отношению к капиталисту, ущерб терпит в первую очередь рабочий.

Итак, при тяготении рыночной цены к естественной це-

---

¹³ Маркс цитирует книгу А. Смита «Исследование о природе и причинах богатства народов» по французскому переводу Ж. Гарнье «Recherches sur la nature et les causes de la richesse des nations». Paris, 1802, t. I, p. 138. – 9.

не больше всего и безусловно теряет рабочий. И именно способность капиталиста давать своему капиталу другое направление либо лишает куска хлеба рабочего, ограниченно-го рамками определённой отрасли труда, либо вынуждает его подчиниться всем требованиям данного капиталиста.

Случайные и внезапные колебания рыночной цены отражаются на земельной ренте меньше, чем на той части цены, которая распадается на прибыль и заработную плату; но и на прибыли они отражаются меньше, чем на заработной плате. В большинстве случаев бывает так, что при повышении заработной платы в каком-нибудь одном месте, в другом она остаётся *прежней*, а в третьем *падает*.

При выигрыше капиталиста рабочий не обязательно выигрывает, при убытке же капиталиста рабочий обязательно вместе с ним теряет. Так, например, рабочий ничего не выигрывает в тех случаях, когда капиталист – благодаря фабричной или торговой тайне, благодаря монополии или благодаря благоприятному местоположению своего земельного участка – держит рыночную цену выше естественной цены.

Далее: *цены на труд гораздо устойчивее, чем цены на средства к жизни.* Зачастую те и другие находятся в обратном отношении друг к другу. В год дороговизны заработная плата падает вследствие сокращения спроса на труд и повышается вследствие роста цен на средства к жизни. Таким образом, одно уравнивает другое. Но, во всяком случае, некоторая часть рабочих лишается куска хлеба. В годы деше-

визны заработная плата повышается вследствие повышения спроса на труд и падает вследствие падения цен на средства к жизни. Таким образом, одно уравнивается другим.

Другая невыгодная сторона для рабочего.

Разница в ценах на труд рабочих разных профессий гораздо больше, чем разница в прибылях в разных отраслях приложения капитала. В труде обнаруживается всё природное, духовное и социальное различие индивидуальной деятельности, и поэтому труд вознаграждается различно, тогда как мёртвый капитал всегда шествует одной и той же поступью и равнодушен к *действительным* особенностям индивидуальной деятельности.

Вообще следует заметить, что там, где рабочий и капиталист одинаково терпят ущерб, у рабочего страдает самое его существование, у капиталиста же – лишь барыши его мёртвой мамоны.

Рабочему приходится бороться не только за физические средства к жизни, но и за получение работы, т. е. за возможность осуществления своей деятельности, за средства к этому осуществлению своей деятельности.

Возьмём три основных состояния, в которых может находиться общество, и рассмотрим в них положение рабочего.

1) Если богатство общества приходит в упадок, то больше всех страдает рабочий. Ибо, хотя в счастливом состоянии общества рабочий класс не может выиграть столько, сколько выигрывает класс собственников, *«ни один класс не страда-*

ет так жестоко, как класс рабочих, от упадка общественного благосостояния»¹⁴.

2) Теперь возьмём такое общество, в котором богатство прогрессирует. Это – единственное состояние, благоприятное для рабочего. Здесь среди капиталистов начинается конкуренция. Спрос на рабочих превышает их предложение.

Но, *во-первых*: повышение заработной платы приводит к тому, что рабочие *надрываются за работой*. Чем больше они хотят заработать, тем большим временем вынуждены они жертвовать и, совершенно отказываясь от какой бы то ни было свободы, рабски трудиться на службе у алчности. Тем самым они сокращают продолжительность своей жизни. Это сокращение продолжительности жизни рабочих является благоприятным обстоятельством для рабочего класса в целом, так как благодаря ему непрестанно возникает новый спрос на труд. Этот класс всегда вынужден жертвовать некоторой частью самого себя, чтобы не погибнуть целиком.

Далее: когда общество находится в процессе прогрессирующего обогащения? При росте капиталов и доходов в стране. Но:

а) Это возможно лишь благодаря накоплению большого количества труда, ибо капитал есть накопленный труд; следовательно, это возможно лишь благодаря тому, что у рабочего отнимается всё больше и больше продуктов его труда, что его собственный труд всё в большей и большей степени

---

¹⁴ Там же, том II, стр. 162. – 11.

противостоит ему как чужая собственность, а средства его существования и его деятельности всё в большей и большей степени концентрируются в руках капиталиста.

β) Накопление капитала усиливает разделение труда, а разделение труда увеличивает количество рабочих; и наоборот – увеличение количества рабочих усиливает разделение труда, так же как разделение труда увеличивает накопление капиталов. По мере развития этого разделения труда, с одной стороны, и накопления капиталов – с другой, рабочий всё в большей и большей степени попадает в полную зависимость от работы, и притом от определённой, весьма односторонней, машинообразной работы. Наряду с духовным и физическим принижением его до роли машины, с превращением человека в абстрактную деятельность и в желудок, он попадает всё в большую и большую зависимость от всех колебаний рыночной цены, от применения капиталов и прихоти богачей. Вместе с тем в результате количественного увеличения класса людей, живущих только работой, усиливается конкуренция среди рабочих, и следовательно, снижается их цена. В фабричной системе это положение рабочего достигает своей высшей точки.

γ) В обществе, благосостояние которого возрастает, только наиболее богатые могут жить на проценты со своих денег. Все прочие вынуждены с помощью своего капитала заниматься каким-нибудь промыслом или вкладывать свой капитал в торговлю. Благодаря этому растёт конкуренция между

капиталами, концентрация капиталов возрастает, крупные капиталисты разоряют мелких, и некоторая часть бывших капиталистов переходит в класс рабочих, который вследствие такого прироста частично опять претерпевает снижение заработной платы и попадает в ещё большую зависимость от немногих крупных капиталистов. С уменьшением количества капиталистов их конкуренция в погоне за рабочими сходит почти на нет; что же касается рабочих, то по мере роста количества рабочих конкуренция между ними становится всё сильнее, противоестественнее и принудительнее. В силу этого часть рабочей массы опускается до нищеты или до состояния погибающих от голода так же неизбежно, как неизбежно часть средних капиталистов опускается до положения рабочих.

Итак, даже при наиболее благоприятном для рабочего состоянии общества для рабочего неизбежны надрыв в процессе работы и ранняя смерть, принижение рабочего до роли машины, до роли раба капитала, накопление которого противостоит ему как нечто для него опасное, новая конкуренция, голодная смерть или нищета части рабочих.

Повышение заработной платы порождает в рабочем капиталистическую жажду обогащения, но утолить эту жажду он может лишь путём принесения в жертву своего духа и тела. Повышение заработной платы имеет предпосылкой и следствием накопление капитала; поэтому в результате повышения заработной платы продукт труда противостоит рабочему

как нечто всё более и более чуждое. Точно так же и разделение труда делает рабочего всё более и более односторонним и зависимым; оно же порождает конкуренцию не только людей, но и машин. Так как рабочий опустился до роли машины, то машина может выступить против него в качестве конкурента. И, наконец, подобно тому как накопление капитала увеличивает количество труда, а следовательно, и рабочих, так благодаря этому накоплению одно и то же количество труда производит *большее количество продукта*; получается перепроизводство, и дело кончается либо тем, что значительная часть рабочих лишается работы, либо тем, что их заработная плата падает до самого жалкого минимума.

Таковы последствия состояния общества, наиболее благоприятного для рабочего, – состояния, при котором богатство *растёт, прогрессирует*.

Но в конце концов это состояние роста должно когда-нибудь достигнуть своей высшей точки. Каково же тогда будет положение рабочего?

3) «В стране, которая достигла бы последней возможной для неё ступени богатства, и то и другое – и заработная плата, и процент на капитал – были бы очень низки. Конкуренция между рабочими в погоне за работой была бы столь велика, что заработная плата свелась бы к тому, чего достаточно для содержания данного количества рабочих, а так как страна к этому времени была бы уже достаточно заселена, то

это количество не могло бы увеличиваться»¹⁵.

Что сверх этого количества, было бы обречено на умирание.

Итак, при движении общества по наклонной плоскости вниз – прогрессирующая нищета рабочего; при прогрессе общественного благосостояния – особый, сложный вид нищеты; в обществе, достигшем наибольшего благосостояния, – стационарная нищета.

Но так как, по Смиту, общество не бывает счастливо там, где большинство страдает, – а между тем даже наиболее богатое состояние общества ведёт к такому страданию большинства, – и так как политическая экономия (вообще общество, в котором господствует частный интерес) ведёт к этому наиболее богатому состоянию, то выходит, что целью политической экономии является *несчастье* общества.

Относительно взаимоотношения между рабочим и капиталистом следует ещё заметить, что повышение заработной платы более чем компенсируется для капиталиста сокращением общего количества рабочего времени и что повышение заработной платы и увеличение процента на капитал влияют на цену товаров: первое – как простой процент, второе – как сложный процент.

Теперь станем целиком на точку зрения политико-экономиста и сопоставим, следуя ему, теоретические и практические

---

¹⁵ Там же, том I, стр. 193. – 14.

притязания рабочих.

Политико-эконом говорит нам, что первоначально и в соответствии с теорией *весь продукт* труда принадлежит рабочему. Но одновременно с этим он говорит, что в действительности рабочему достаётся самая малая доля продукта – то, без чего абсолютно нельзя обойтись: лишь столько, сколько необходимо, чтобы он существовал – не как человек, а как рабочий – и плодил не род человеческий, а класс рабов – рабочих.

Политико-эконом говорит нам, что всё покупается на труд и что капитал есть не что иное, как накопленный труд; однако одновременно с этим он говорит, что рабочий не только не может купить всего, но вынужден продавать самого себя и своё человеческое достоинство.

В то время как земельная рента бездеятельного землевладельца в большинстве случаев составляет третью часть продукта земли, а прибыль деятельного капиталиста даже вдвое превышает процент с денег, на долю рабочего приходится в лучшем случае столько, что при наличии у него четырёх детей двое из них обречены на голодную смерть.

Если, согласно политико-экономам, труд есть то единственное, посредством чего человек увеличивает стоимость продуктов природы, а работа человека есть его деятельная собственность, то, согласно той же политической экономии, земельный собственник и капиталист, которые в качестве земельного собственника и капиталиста являются всего лишь

привилегированными и праздными богами, всюду одерживают верх над рабочим и диктуют ему законы.

По словам политико-экономов, труд есть единственная неизменная цена вещей; и в то же время нет ничего более подверженного случайностям и ничто другое не претерпевает больших колебаний, чем цена на труд.

Разделение труда увеличивает производительную силу труда, богатство и утончённость общества, и в то же время оно обрекает рабочего на оскудение и опускание до уровня машины. Труд вызывает накопление капиталов и тем самым рост общественного благосостояния, и в то же время он делает рабочего всё более и более зависимым от капиталиста, усиливает конкуренцию среди рабочих, втягивает рабочего в лихорадочную гонку перепроизводства, за которым наступает столь же сильное падение производства.

Согласно политико-экономам, интерес рабочего никогда не противостоит интересу общества, тогда как в действительности общество всегда и непременно противостоит интересу рабочего.

По словам политико-экономов, интересы рабочих никогда не противостоят интересам общества 1) потому, что повышение заработной платы более чем компенсируется сокращением расходуемого рабочего времени, наряду с прочими выше охарактеризованными последствиями, и 2) потому, что в отношении общества весь валовой продукт есть чистый продукт и только в отношении частных лиц имеет значение

выделение чистого продукта.

А что сам труд – не только при нынешних его условиях, но и вообще постольку, поскольку его целью является лишь увеличение богатства, – оказывается вредным, пагубным, это вытекает из собственных рассуждений политико-экономов, хотя они этого и не замечают.

* * *

В соответствии с теорией, земельная рента и прибыль на капитал суть *вычеты* из заработной платы. В действительности же заработная плата есть допускаемый землёй и капиталом вычет на долю рабочего, уступка продукта труда рабочему, труду.

При упадочном состоянии общества больше всех страдает рабочий. Специфической тяжестью испытываемого им гнёта он обязан своему положению как положению рабочего, но гнётом вообще он обязан строю общества.

А при прогрессирующем состоянии общества гибель и обнищание рабочего есть продукт его труда и произведённого им богатства. Иными словами, нищета вытекает из *сущности* самого нынешнего труда.

Наиболее богатое состояние общества, этот идеал, который всё же приблизительно достигается и который по меньшей мере является целью как политической экономии, так и буржуазного общества, есть *стационарная нищета* для ра-

бочих.

Само собой разумеется, что *пролетария*, т. е. того, кто, не обладая ни капиталом, ни земельной рентой, живёт исключительно только трудом, и притом односторонним, абстрактным трудом, политическая экономия рассматривает только как *рабочего*. В силу этого она может выставить положение, что рабочий, точно так же как и всякая лошадь, должен получать столько, чтобы быть в состоянии работать. Она не рассматривает его в безработное для него время, не рассматривает его как человека; это она предоставляет уголовной юстиции, врачам, религии, статистическим таблицам, политике и надзирателю за нищими.

Поднимемся теперь над уровнем политической экономии и поищем в изложенных выше, переданных чуть ли не собственными словами политико-экономов положениях ответа на два вопроса:

- 1) Какой смысл в ходе развития человечества имеет это сведение большей части человечества к абстрактному труду?
- 2) Какие ошибки совершают реформаторы *en détail*¹⁶, которые либо хотят *повысить* заработную плату и этим улучшить положение рабочего класса, либо (подобно Прудону) усматривают цель социальной революции в *уравнении* заработной платы?

Труд фигурирует в политической экономии лишь в виде *деятельности для заработка*.

---

¹⁶ – по мелочам. *Ред.*

«Можно утверждать, что занятия, которые требуют специфических способностей или более продолжительной предварительной к ним подготовки, в общем стали доходнее; а соответственная заработная плата за механически однообразную деятельность, к которой быстро и легко может приспособиться каждый, при росте конкуренции пала и неизбежно должна была пасть. Но именно *этот* вид труда – при нынешнем состоянии его организации – наиболее распространён. Таким образом, если рабочий первой категории зарабатывает теперь в 7 раз больше, а рабочий второй категории столько же, сколько 50 лет тому назад, то *в среднем* оба зарабатывают, конечно, в 4 раза больше прежнего. Однако если в какой-нибудь стране к первой трудовой категории принадлежит только 1000, ко второй же – миллион людей, то 999 000 человек живут не лучше, чем им жилось 50 лет тому назад, а если одновременно с этим цены на предметы первой необходимости возросли, то им живётся *хуже* прежнего. И с помощью такого рода поверхностных *средних исчислений* хотят обмануть себя насчёт самого многочисленного класса населения. Кроме того, величина *заработной платы* – это лишь один из моментов при оценке *дохода рабочего*, так как для измерения этого дохода существенное значение имеет ещё *обеспеченная длительность* получения им

дохода, а об этом не может быть и речи при анархии так называемой свободной конкуренции с её постоянными колебаниями и периодами застоя. И, наконец, не следует упускать из виду и разницы в обычной продолжительности *рабочего дня* тогда и сейчас. За последние 25 лет, т. е. как раз со времени введения сберегающих труд машин в хлопчатобумажной промышленности, рабочий день английских рабочих этой отрасли промышленности увеличился в результате погони предпринимателей за наживой до 12–16 часов, а удлинение рабочего дня в одной стране и в одной отрасли промышленности должно было – при всюду ещё признаваемом праве неограниченной эксплуатации бедных богатыми – в большей или меньшей мере сказаться и в других местах» (*Шульц*, «Движение производства», стр. 65¹⁷⁾).

«Однако даже если бы утверждение, что средний доход *всех* классов общества возрос, было настолько же верным, насколько оно в действительности является ошибочным, то всё же могли бы увеличиться различия и *относительное* отставание одних доходов от других и в результате этого могла бы резче выступить противоположность между богатством и бедностью. Ибо именно *в силу того*, что вся продукция возрастает, и в меру её роста растут и потребности, вожде-

---

¹⁷ W. Schulz. «Die Bewegung der Produktion. Eine geschichtlich-statistische Abhandlung zur Grundlegung einer neuen Wissenschaft des Staats und der Gesellschaft». Zürich und Winterthur, 1843 (*В. Шульц*, «Движение производства. Историко-статистическое исследование для обоснования новой науки о государстве и обществе». Цюрих и Винтертур, 1843). – 20.

ления и притязания, а следовательно, может возрастать *относительная* бедность, в то время как *абсолютная* бедность уменьшается. Самоед, потребляющий тюлений жир и прогорклую рыбу, не беден, потому что в его замкнутом обществе у всех имеются одинаковые потребности. Но в *прогрессирующем* государстве, где за какой-нибудь десяток лет совокупная продукция пропорционально к численности населения увеличилась на одну треть, рабочий, зарабатывающий столько же, как и 10 лет тому назад, не остался на прежнем уровне благосостояния, а сделался беднее на одну треть» (там же, стр. 65–66).

Однако политическая экономия видит в рабочем лишь рабочее животное, лишь скотину, потребности которой сведены к самым необходимым физическим потребностям.

«Чтобы народ развивался свободнее в духовном отношении, он не должен быть больше рабом своих физических потребностей, крепостным своего тела. Ему необходимо, следовательно, иметь прежде всего *досуг* для духовной деятельности и духовных наслаждений. Прогресс в деле организации труда даёт возможность выкроить для этого время. Ведь в наши дни, при новых двигателях и усовершенствованных машинах, один рабочий хлопчато-бумажной фабрики нередко выполняет работу, для которой раньше требовалось 100 и даже 250–350 рабочих. Аналогичные результаты имеют-

ся во всех отраслях производства, потому что к участию в человеческом труде всё в большей и большей мере привлекаются внешние силы природы. Если затрата времени и человеческой силы, необходимая для удовлетворения некоторого количества материальных потребностей, уменьшилась вдвое, то одновременно с этим, без ущерба для физического благосостояния, в той же мере увеличился досуг для духовной деятельности и духовного наслаждения. Но и в отношении распределения добычи, отвоёвываемой нами у старого Кроноса даже в его собственной области, по-прежнему всё зависит от слепого несправедливого случая. Во Франции вычислили, что при нынешнем состоянии производства для удовлетворения всех материальных запросов общества было бы достаточно, чтобы каждый работоспособный человек работал в среднем пять часов в день... Несмотря на экономию времени, достигаемую совершенствованием машин, продолжительность рабского труда на фабриках для многочисленного населения лишь возросла» (там же, стр. 67–68).

«Переход от сложного ручного труда предполагает разложение его на простые операции. Но на первых порах только *часть* единообразно повторяемых операций возлагается на машины, другая же часть – на людей. Согласно природе вещей и на основании единодушного опыта можно считать несомненным, что такая постоянно однообразная деятельность столь же вредна для духа, как и для тела. Поэтому при таком *сочетании* машинной работы с простым разделе-

нием труда между большим количеством человеческих рук должны выявиться также и все отрицательные стороны этого разделения. В числе прочего показателем пагубности такого разделения труда служит рост смертности среди фабричных рабочих... Это огромное различие между работой человека *с помощью* машины и его работой *в качестве* машины... не было принято во внимание» (там же, стр. 69).

«Но в будущей жизни народов действующие в машинах слепые силы природы станут нашими рабами и крепостными» (там же, стр. 74).

«На английских прядильных фабриках работает лишь 158 818 мужчин и 196 818 женщин. На каждые 100 рабочих хлопчатобумажных фабрик Ланкастерского графства приходится 103 работницы, а в Шотландии даже 209. На английских льнопрядильных фабриках Лидса на 100 рабочих-мужчин приходилось 147 женщин-работниц; в Друдене и на восточном побережье Шотландии даже 280. На английских шёлкопрядильных фабриках много работниц; на шерстяных фабриках, где требуется большая физическая сила, преобладают мужчины. На североамериканских хлопчатобумажных фабриках в 1833 г. наряду с 18 593 мужчинами работало не меньше 38 927 женщин. Таким образом, благодаря изменениям в организации труда круг трудовой деятельности женщин расширился... Экономически женщина стала самостоятельнее... Мужской и женский пол приблизились друг к другу в социальном отношении» (там же, стр. 71–72).

«На английских прядильнях с паровыми и водяными двигателями в 1835 г. работало 2058 детей в возрасте 8–12 лет, 35 867 в возрасте 12–13 и, наконец, 108 208 в возрасте 13–18 лет... Правда, дальнейшие успехи механики, всё в большей мере освобождающие человека от однообразных трудовых операций, действуют в направлении к постепенному устранению этого зла. Однако быстрым успехам механизации мешает как раз то обстоятельство, что капиталисты имеют возможность эксплуатировать – вплоть до изнашивания – рабочую силу низших классов, даже их детворы, и это для них легче и обходится им дешевле, чем использование ресурсов механики» (там же, стр. 70–71).

«Лорд Брум бросает рабочим клич: «Станьте капиталистами!»... Беда в том, что миллионы людей могут добыть себе скудные средства к жизни лишь путём напряжённой работы, разрушающей организм, калечащей человека в нравственном и умственном отношении, и что им приходится считать за счастье получение даже *такой*, губельной для них, работы» (там же, стр. 60).

«Итак, чтобы жить, люди, не имеющие собственности, вынуждены прямо или косвенно поступать *на службу* к собственникам, т. е. ставить себя в зависимость от них» (Пеккёр, «Новая теория социальной экономии» и т. д., стр. 409)¹⁸.

---

¹⁸ С. Pecqueur. «Théorie nouvelle d'économie sociale et politique, ou Etudes sur l'organisation des sociétés». Paris, 1842 (К. Пеккёр. «Новая теория социальной и политической экономии, или Исследования об организации обществ». Париж, 1842). – 24.

«Домашние слуги – на жалованье; у рабочих – заработная плата; у служащих – оклад, или содержание» («там же, стр. 409–410).

«Сдавать внаём свой труд», «ссужать свой труд под проценты», «работать вместо другого», с одной стороны.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.